

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

ИВАН ТОРОПЦЕВ, ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ И МИРА

На войне, с 1942 по 1945 год, будущий профессор Иван Торопцев был рядовым. Строил оборонительные сооружения и переправы, под бомбёжкой укладывал шпалы и рельсы. Когда прошли годы и десятилетия, он, великолепный знаток русского языка, не искал в разговоре на эту тему громких, пафосных слов, всегда говорил просто: «Я служил в действующей армии».

Иван Степанович Торопцев родился 9 сентября 1922 года в селе Коршеве (ныне Бобровского района Воронежской области). Это большое село – малая родина издателя Алексея Суворина и поэта Егора Исаева, который был на четыре года младше Ивана Торопцева.

В семь лет остался без отца; мама Пелагея Степановна поднимала в одиночку Ивана и двух его братьев. Коллективизация, кровопролитное коршевское крестьянское восстание весны 1930 года, голод 1933 года – такими недетскими вехами было отмечено начало жизни. В будущем он прилюдно не вспоминал о трагедии «великого перелома» в родном селе, но и в коммунистическую партию вступил только в конце 1970-х, когда был избран деканом. Кто знает, возможно, именно коршевские впечатления определили такое решение на многие годы.

В 1937-м Иван Торопцев окончил с отличием Битюгскую среднюю школу и поступил в Бобровское педагогическое училище. Как одного из лучших выпускников в августе 1940 года его направили на работу в кишлак Чеканд Хавастского района Ташкентской (ныне Сырдарьинской) области Узбекистана – учителем русского языка в средней школе, затем преподавал в неполной средней школе в кишлаке Болонд-Чакыр в том же районе.

С июля 1942 года – в Красной армии: техник-строитель, старший техник-строитель, коман-

дир взвода (всё в том же звании рядового военно-строительного отряда). Во фронтовой биографии Торопцева – боевые действия на московском направлении, освобождение Орла. Москва салютовала героям Курской дуги, но для однополчан Торопцева 5 августа 1943 года оказалось не финальной точкой, а только началом огромной восстановительной работы – отступая, фашисты демонстративно (альбом с фотоотчётом был отправлен в Берлин) взорвали в Орле и окрестностях все крупные здания, автомобильные и железнодорожные мосты, уничтожили рельсовые пути. Оставшиеся дома и проезжую часть улиц заминировали, город оставался без электричества и водопровода – по признанию немецкой газеты «Фелькишер беобахтер», все военные и хозяйственные объекты в Орле были «уничтожены или приведены в негодность».

Военные строители в самые короткие сроки возвели в городе речные переправы, расчистили пути для движения войск на запад. Так и пелось потом:

*С боем взяли мы Орёл, город весь прошли
И последней улицы название прочли:
А название такое, право, слово боевое:
Брянская улица по городу идёт –
Значит, нам туда дорога,
Значит, нам туда дорога,
Брянская улица на запад нас ведёт.*

В то время награды для рядовых солдат были редкостью – только спустя восемь месяцев Торопцев будет представлен к первой медали. В наградном листе, подписанном начальником 3-го фронтового управления оборонительного строительства инженером-майором Рогозиным 11 апреля 1944 года, отмечалось:

Красная армия входит в город Орел.
1943 год

«Выполняя боевые задания командования по восстановлению железнодорожного полотна на участке Корсунь-Губник и активно участвуя в строительстве мостов через реки Рось и Южный Буг, товарищ Торопцев умело руководил бойцами и местным населением, организуя работу таким образом, что любое задание в самых сложных условиях выполнялось бойцами на 210–220 %, а местным населением – на 150–170 %. В пургу, дождь, днём и ночью – всегда тов. Торопцева можно было видеть на работе среди бойцов и местного населения, всегда энергичным, мобилизующим на героический труд своих подчинённых.

Тов. Торопцев является требовательным к самому себе и подчинённым. О бойцах проявил отеческую заботу.

За самоотверженный труд и отличное выполнение заданий командования при строительстве мостов через реки Рось и Южный Буг представляется к правительственной награде – медали “За боевые заслуги”».

5 февраля 1945 года командир военно-строительного отряда № 138 инженер-майор Гончаров подписал второй наградной лист:

«Лучший командир взвода в 3-й роте. С начала Отечественной войны со своим взводом участвовал во многих строительствах оборонительных сооружений на Украине, в Румынии, на строительстве мостов на реках Буг, Днестр, Серет, Марош и Тиса. Во всех работах он со своим взводом, несмотря ни на какие трудности, под частым налётом вражеской авиации, в дожди, не считаясь со временем, днём и ночью досрочно выполнял задания командования и с отличным качеством.

Особенно тов. Торопцев отличился на восстановлении железной дороги Верещедьхаз – Вац и на строительстве железнодорожного моста на станции Сед [Венгрия]. Он умело, грамотно организовал взвод и на 48 часов раньше срока закончил укладку рельс и на 20 часов [раньше] – закончил мост на двух опорах пролётом 31,5 м. Взвод под его руководством выполнил на этих работах норму выработки 225 %.

На строительстве железнодорожного моста через реку Тиса в районе города Сольнок тов. Торопцев со своим взводом выполнял самые сложные работы: устройство эстакад, разборка и укладка рельс и т. д. В связи с тем, что началось быстрое таяние льда и мосту угрожала опасность сноса, тов. Торопцеву с взводом было приказано срочно построить ледорез. Он умело расставил силы взвода, отлично организовал работу, мобилизовал всех людей на героический труд, личным примером воодушевлял всех бойцов и на 8 часов ранее срока, данного командованием, закончил строительство ледореза, чем обеспечил безопасность моста.

За умелое руководство по восстановлению железных дорог в районе Верещедьхаз – Вац, моста на станции Сед и железнодорожного моста через реку Тиса, за отличную организацию указанных работ, за досрочное выполнение задания командования тов. Торопцев достоин представления к награждению медалью “За боевые заслуги”».

Казалось бы, будни войны – строительство переправ, обеспечение их исправности. Но риск здесь был, пожалуй, не меньше, чем на передовой. Читая эти строки, я вспомнил другой наградной лист – на моего двоюродного деда – воронежца Андрея Ти-

Скоростное восстановление разрушенных войной мостов. Орловско-Брянское направление. 1943 год

хоновича Кондратенко, командира отделения инженерного батальона. Он строил переправы в Польше, в представлении к ордену Отечественной войны 2-й степени заключительными были такие строки: «Работая на строительстве моста через реку Висла в районе северо-западнее Седлецаны и проявляя мужество и отвагу в руководстве своим отделением, он при очередном налёте авиации противника был тяжело ранен и умер от ран».

Торопцев остался жив в этом лихолетье. В начале февраля 1945 года был представлен к ордену Красной Звезды:

«Будучи командиром взвода и старшим техником, тов. Торопцев со своим взводом участвовал в строительстве многих оборонительных рубежей на родной земле, а затем на вражеской территории, особо отличился при наступлении войск 2-го Украинского фронта на венгерскую территорию на строительстве семи мостов через реку Тиса и на устройстве подходов к реке Дунай для её форсирования.

Тов. Торопцев со своим взводом всегда смело и энергично брался за работу и, несмотря на сложные условия работы при вражеском обстреле и бомбёжках, обеспечивал выполнение порученных ему работ, как правило, досрочно, чем создавал необходимые условия для успешного продвижения артиллерии, боевых машин, артснарядов.

Особенно взвод Торопцева отличился при выполнении задания при строительстве подходов к реке Дунай при его форсировании. Взвод тов. Торопцева под его волевым командирским руководством, несмотря на миномётный обстрел и бомбёжки, беспрерывно, работая в течение двух суток, обеспечил выполнение в срок устройства подходов.

За образцовое выполнение боевых заданий по строительству мостов и подходов на реке Дунай и проявленное личное мужество тов. Торопцев достоин представления к правительственной награде – ордену Красной Звезды».

Наградной лист подписал командир военно-строительного отряда № 138 инженер-майор Гончаров. «Достоин» – такими были резолюции начальника 3-го фронтального управления оборонительного строительства подполковника Рагозина и начальника инженерных войск 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Цирлина. Однако наградному листу почему-то долго не давали ход, и уже после победы, 11 мая 1945 года, на нём появилась пометка: «Наградить медалью “За отвагу”». Так без ордена, но с пятью медалями (ещё и «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») 23-летний Иван Торопцев вернулся домой.

Кого-то из оставшихся в живых война в итоге сломала, лишила сил жить и работать, но такие, как Торопцев, после победы хотели быстрее освоить мирную профессию, а для этого учиться и учиться. Кто знает, вполне возможно, что его настроение было созвучно хрестоматийным строкам Анны Ахматовой:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

В 1946 году вчерашний солдат поступил на историко-филологический факультет Воронежского университета, в числе его преподавателей были В. И. Собинникова, Е. П. Андреева, С. Г. Лазутин, С. Г. Фирсова, декан И. Я. Разумникова. К студентам-фронтовикам в ВГУ относились с максимальной симпатией. Но Торопцев, отказываясь от возможных поблажек в учёбе, всегда стремился быть первым – уже тогда сокурсники и преподаватели звали его по имени-отчеству. Будущий профессор З. Д. Попова вспоминала: «Группа у нас была дружная. Ваня Толстой, Ваня Торопцев, Серёжа Титов, Валя Медведкин – все фронтовики, все настроены на учёбу, все мечтали о мирной жизни и не обращали внимания на скудость нашего быта, на бедность университета. Надо работать – таскали доски, чтобы настелить их в Красном корпусе на 3-м этаже, засыпали шлак на крышу. Учебников не было. Сидели на ящиках из-под снарядов. Зимой в аудиториях холод. Но никто не унывал». А ещё каждый студент был обязан участвовать в разборе городских руин – собрать за день кубометр кирпича, годного для дальнейшего использования.

Другой сокурсник, тоже будущий профессор Б. Т. Удодов вспоминал о том, что в первом послевоенном наборе факультета не было «хвостистов», каждый второй студент в итоге стал доцентом или профессором. Торопцев почти все экзамены сдал на отлично, так же успешно защитил и дипломную работу «Бытовой словарь села Костёнки Гремяченского района Воронежской области», с августа по декабрь 1950 года, после окончания университета, работал школьным учителем в Эртиле, затем поступил в аспирантуру при кафедре русского языка ВГУ. Его научным руководителем была В. И. Собинникова.

Снова, как и в студенческие годы, поселился в университетском общежитии, но теперь у аспиранта Торопцева и его жены Антонины Сергеевны (окончила агрономический факультет СХИ) появились два сына. Преподавал русский язык в Воронежской партийной школе, в срок написал диссертацию «Суффиксальное словопроизводство имён существительных в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области».

Процедура защиты отличалась от современной. Вначале Торопцев защитил диссертацию на учёном совете факультета в марте 1954 года (это была одна из первых защит), затем состоялось утверждение на учёном совете ВГУ (апрель), и дело было направлено в ВАК. К тому же, по строгим правилам того времени, новоиспечённого кандидата наук ждало распределение – скорее всего, в один из периферийных вузов бескрайней страны. Наудачу Торопцева воз-

Иван Торопцев –
студент 1-го курса истфилфака ВГУ.
1945 год

можная вакансия обозначилась в Орловском педагогическом институте. Заведовавший там с 1944 года кафедрой русского языка Сергей Иванович Котков (1906–1986) накануне защитил докторскую диссертацию и получил приглашение на должность заместителя директора Института русского языка Академии наук СССР, а читавший языковедение преподаватель давно обошёл все другие институты и в итоге уволился и из ОГПИ. Пока шло оформление Коткова в столице, и. о. директора орловского вуза математик С. М. Горшенин обратился в союзное Министерство высшего образования с просьбой срочно найти молодого высококвалифицированного лингвиста. Выбор пал на Торопцева, который в то время был преподавателем-почасовиком кафедры русского языка Воронежского пединститута.

Однако, несмотря на официальное направление министерства, в апреле 1954 года Торопцева оформили в Орле лишь на должность старшего преподавателя-почасовика. Руководство вуза приглядывалось к новичку. И только вновь назначенный ректор Орловского пединститута Георгий Михайлович Михалёв (прежде он работал в Тамбове, в 1937 году окончил пединститут в Воронеже, так что вполне разбирался «кто есть кто» среди научных кадров Черноземья) принял в конце августа 1954 года однозначное решение: рекомендовать Торопцева на должность заведующего кафедрой ОГПИ. Соответствующие бумаги были отправлены в Министерство просвещения РСФСР (оно принимало окончательное решение),

Разрушенное здание Орловского педагогического института. 1943 год

и спустя две недели был получен приказ главного управления подготовки учителей о назначении Торопцева.

Котков был кумиром орловских студентов, но его преемнику Торопцеву предстояло идти дальше. И это не банальная фраза, если вспомнить, что молодой учёный защитил кандидатскую диссертацию всего год спустя после смерти Сталина. Тот же профессор Котков ещё в 1952 году начинал свои научные труды таким вступлением: «Товарищ Сталин указывает, что курско-орловский диалект “лёг в основу русского национального языка”. Поэтому выяснение истории носителей курско-орловских говоров представляется очень важным»...

Молодой возраст нового заведующего кафедрой трудно было назвать недостатком, тем более что ему и его коллегам предстояло, по сути, создать новый вуз. В разрушенном войной Орле пединститут временно размещался в старом особняке на Московской улице – бывшем штабе Черниговского гусарского полка, которым когда-то командовал великий князь Михаил Романов. Хорошее место в центре города, старые добротные стены, но теснота неимоверная – здесь едва ли хватило бы места для неполной средней школы... Уже строился новый главный корпус (его открыли в 1957 году). А накануне, в 1956 году, все педагогические вузы страны перешли с четырёхлетнего на пятилетний срок обучения.

Торопцев в годы войны не щадил жизни ради свободы Орловщины, теперь он не жалел сил и времени для подготовки учителей, развития вузовской науки в Орле, в городе, где к нему относились с особым уважением, как к фронтовику-освободителю. Возрождавшаяся после войны земля Тургенева и Фета, Лескова и Леонида Андреева была необык-

новенно богата своим народным языком, литературными памятниками. Торопцев сразу берётся за работу над темой использования краеведения в преподавании языка, в 1959 году в сборнике совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (ВГУ, 1959) появляется его статья «К вопросу о принципах подбора слов для словаря орловских говоров». По инициативе заведующего кафедрой начинаются фольклорные экспедиции студентов. Так было положено начало масштабной (на несколько десятилетий) собирательской и аналитической работе. Так налаживалась прочная связь филологов ОГПИ с ВГУ.

В личном деле Торопцева мне встретился нетривиальный ответ на традиционный вопрос «Пребывание за границей»:

«1944–1946 г. – с частями Советской армии в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

1958–1959 г. – преподавал русский язык в Институте русского языка и литературы в Праге.

1961 г. – преподавал русский язык на курсах усовершенствования учителей в Дьере (Венгрия)».

Заграничные поездки не были для него некоей формой «делового туризма». Вот свидетельство ученика Торопцева профессора Г. Ф. Ковалёва: «Он довольно хорошо освоил чешский язык, познакомился со многими видными чешскими лингвистами (среди них – Милош Докулил и Александр Вурм), оказавшими на него значительное влияние в научном плане. С этой поры у него зарождается идея ономазиологического подхода к изучению словообразовательных процессов в языке и речи».

Торопцев углубляет свои познания не только о русском языке, но и об иностранных – в итоге овладел немецким, польским, чешским, украинским и

белорусским языками (он был убеждён, что каждый филолог, даже аспирантского уровня, должен знать как минимум один славянский язык). Выступал с докладами на международных конференциях, создал в Орле проблемную лабораторию ономастических исследований и руководил ею, это научное сообщество объединило два десятка языковедов. Уже в феврале 1965 года в передовой статье «Выше уровень научной работы» в многотиражной газете вуза кафедра Торопцева была отмечена на втором месте в ОГПИ по этому направлению.

Регулярно появляются публикации Торопцева в «Учёных записках Орловского государственного педагогического института» (1958, 1962, 1964), в аналогичном издании Курского пединститута (1974–1978), в сборниках 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (1961), Московского областного пединститута, Ростовского университета (1961), ВГПИ (1962), ВГУ (1959, 1962, 1964), в изданиях Ташкента, Тамбова, Борисоглебска.

Иван Степанович по решению Министерства высшего и среднего специального образования СССР с 1962 года руководил аспирантами. В следующем году он был назначен руководителем секции русского языка на конференции вуза по итогам научной работы преподавательского состава. Возглавлял библиотечный совет ОГПИ, был деканом общественного факультета русского языка и литературы, читал лекции по путёвкам общества «Знание».

Усилия Торопцева и его коллег-преподавателей уже скоро дали весомый результат. Орловский пединститут поначалу имел третью категорию, в 1962 году получил вторую, спустя четыре года – первую категорию и вскоре прочно обосновался в десятке лучших педагогических вузов СССР.

Ещё с 1966 года, после разрушительного землетрясения в Ташкенте, на национальном отделении историко-филологического факультета ОГПИ стали учиться студенты из республик Средней Азии, будущие учителя русского языка и литературы. В 1971 году началась переподготовка преподавателей педагогических училищ РСФСР, чуть позже был открыт факультет повышения квалификации учителей из Польши (тому предшествовала поездка Торопцева по вузам Польской Народной Республики в составе делегации Орловского и Киевского пединститутов – её пригласило Министерство просвещения ПНР для ознакомления с постановкой преподавания русского языка).

Профессор Орловского госуниверситета Борис Иванович Прутцев в то время как раз преподавал в Польше и на месте вошёл в состав делегации: «Иван

Степанович был настолько деликатен и деятелен в общении с польскими коллегами, что, казалось, он много лет только и готовился к этой встрече. И там, и впоследствии, в Орле, я всегда обращал внимание на его выступления на учёном совете: конкретные, не крикливые, а доброжелательные. Он никогда себя не выпячивал, не любил панибратства».

Заместитель директора Орловского музея И. С. Тургенева, заслуженный работник культуры России Лариса Викторовна Дмитриюхина вспоминает: «Торопцева мы, студенты, все любили. Это был истинный человек науки. И свой предмет он преподавал так методично и чётко, как можно преподавать только математику». А вот мнение заведующей читальным залом отдела фондов этого же музея Светланы Дмитриевны Симеоновой: «Учиться у Торопцева было интересно, но очень трудно – приходилось скрупулёзно вникать во все тонкости ономастологии, прорабатывать каждую строку конспекта. У него не было любимчиков – зато он всегда прекрасно чувствовал способности и уровень знаний каждого студента. О войне, о боях за Орёл никогда не вспоминал. Удивительно скромный и доброжелательный человек, настоящий профессор».

Нина Дмитриевна Кабанова, приехавшая в Орёл из Алма-Аты в 1973 году и трудившаяся на факультете по работе с иностранными учащимися, отзываясь о своём научном руководителе как о человеке исключительной порядочности, нетерпимом к верхоглядству в научной работе, тактичном, немногословном. Впервые приехав в институт и не зная, как выглядит её научный руководитель, она интуитивно выделила его среди группы преподавателей, шедших из одного учебного корпуса в другой. Он очень отличался от всех: и осанкой, и одеждой (хотя и весьма скромной), и выражением лица.

Доцент Орловского госуниверситета, кандидат филологических наук Татьяна Алексеевна Глущенко: «Очень независимый человек, имевший своё мнение. Для нас он был образец учёного, мы понимали, что это человек из других, очень высоких сфер. Ходил всегда в чёрном классическом костюме. Атрибуты – галстук и портфель – также всегда на месте.

Коллеги порой тихо посмеивались: «Эту науку знает только он сам». На спецсеминаре я «переводила» своим однокурсникам то, что он говорил. Это было очень интересно – понимать, как рождается слово. Он был всегда вежливым и корректным, но иногда могли прозвучать нотки раздражительности, негодования. Однажды всё-таки услышала через дверь жёсткость в его разговоре – он выговаривал на кафедре преподавательнице, которая не понимала и не хотела что-то понимать и делать.

Торопцев – тот человек, который “толкнул” меня в науку. После работы учителем в сельской школе пришла на кафедру лаборантом. Он однажды сказал: “А что вы тут сидите, вяжете? Вы же всегда хорошо учились. Возьмите тему, начните сдавать кандидатский минимум”. И я записалась на сдачу экзамена... Да, он мог строго спросить с учеников, но, когда защищала диссертацию в ВГУ, принял самое радушное участие».

Филологический факультет ОГПИ жил тогда насыщенной жизнью: помимо учёбы – спорт, туризм, художественная самодеятельность, клуб поэзии, объединение вожатых, стройотряды и народные дружины... Здесь тогда работали выдающиеся тургеневеды Г. Б. Курляндская и В. А. Громов, литературоведы М. В. Минокин, А. В. Кушаков, знаток зарубежной литературы И. Г. Гусманов, писатель-литературовед Л. Н. Афонин – по его инициативе собирались поэтические часы и семинары, литературные среды, служившие развитию творческих и научных способностей студентов.

Тогда в ОГПИ было всего несколько профессоров – докторов наук. Естественно, и руководство вуза, и заведующие кафедрами настойчиво ставили в повестку дня вопрос о защите докторских диссертаций. Торопцев интенсивно работал над фундаментальным очерком ономазиологии, на время (с марта 1962-го по февраль 1964 года) стал старшим научным сотрудником кафедры. В итоге диссертация «Очерк русской ономазиологии (возникновение знаменательных лексических единиц)» была готова уже в 1965 году, защита её состоялась в марте 1970 года в Ленинградском университете. В тот же год он вошёл в состав Учёной комиссии по русскому языку при Министерстве просвещения РСФСР, в следующем году был утверждён в звании профессора и возглавил кафедру общего языкознания и истории языка ОГПИ.

Увлечённый идеей развития вуза ректор Михалёв всегда поддерживал и поощрял Торопцева: неизменные благодарности к праздникам, представления на награждение (юбилейные медали, медаль «За доблестный труд», знаки «Отличник народного просвещения» и «Отличник высшей школы», грамоты Орловского обкома КПСС и облисполкома). Так, в спецвыпуске вузовской многотиражки для абитуриентов (1970) Торопцев был назван на первом месте среди кандидатов наук историко-филологического отделения. Его имя также поставлено первым в приказе о занесении на доску почёта лучших преподавателей ОГПИ – к 40-летию вуза. Особая благодарность была выражена за образцовую постановку работы со студентами-заочниками – по этой

позиции ОГПИ был признан одним из лучших педагогических вузов СССР. В 1974 году возглавляемая Торопцевым кафедра получила право издания республиканских (РСФСР) проблемных сборников по русской ономазиологии, под его научной редакцией вышли из печати четыре тома «Проблем ономазиологии» (Орёл – Курск, 1974–1978) – единственного специализированного издания по этой теме. Торопцев организовал содружество учёных Черноземья, занимавшихся ономазиологией и словопроизводством: проходили конференции, встречи в Орле, Рыбном и других городах. По мнению профессора Орловского университета имени И. С. Тургенева, доктора филологических наук Маргариты Сергеевны Зайчёнковой, это был образец научной школы, более того, традиции современного филологического факультета появились во многом благодаря Торопцеву.

Как гром среди ясного неба летом 1975 года в институте прогремело заявление Торопцева о его желании принять участие в конкурсе на замещение должности профессора ВГУ. После 20 лет успешной работы в вузе оставить его? Недоумение сквозит в характеристике, подписанной ректором ОГПИ Михалёвым 15 июля 1975 года: «Тов. И. С. Торопцев читает лекции и проводит практические, семинарские занятия на высоком научно-теоретическом уровне, большое внимание уделяет организации учебного процесса на факультете и повышению научной квалификации сотрудников кафедры, руководит аспирантами и индивидуальной научной работой студентов».

Под его руководством обучалось 12 аспирантов, из которых защитили шесть кандидатских диссертаций, двое допущены к защите.

Свою производственную и научную работу тов. Торопцев умело сочетает с общественной, но не всегда проявляет достаточную активность, особенно после защиты докторской диссертации.

Тов. Торопцев И. С. добросовестно относится к работе, дисциплинирован, требователен к себе и членам кафедры, пользуется заслуженным авторитетом среди товарищей. 3 июля 1975 г. по конкурсу был избран заведующим кафедрой языкознания и истории языка, но без всяких оснований и без предупреждения решил уйти из института, что окажет отрицательное влияние на работу кафедры».

Решения и поступки личности такого масштаба, как Торопцев, если и судить, то столь же масштабной мерой. Можно предположить, что ректор института расценивал защиту его докторской диссертации как некий итог, а сам Торопцев – как старт новой большой научной работы. Уехать, как в молодости, начать всё сначала: университетский формат объективно давал больше возможностей.

Ещё две возможные причины – квартирный вопрос (большая семья: два сына, дочь, невестка, – жили в Орле в трёхкомнатной квартире, переоборудованной из послевоенного студенческого общежития), желание быть ближе к родным местам, к родным людям. Один брат, Андрей, уже вышел в отставку с военной службы в звании подполковника, другой, Дмитрий, инвалид Великой Отечественной войны, был колхозником в Коршеве.

На выборе профессора сказывалось, вероятно, и то, что оттепель конца 1950-х – середины 1960-х годов окончилась, началась «зима» начала 1970-х. Честные и независимые люди становились не востребова- ны. В таланте и гармонии власть имущие особо не нуждались; индивидуальность и собственный стиль отступали под натиском прагматики и казённого энтузиазма. Наверное, судьбы учёных-гуманитариев и науки в целом в 1970-е годы – тема целой книги, вот лишь эпизод: осенью 1970 года Торопцев был на два года командирован на преподавательскую работу в Польшу, но в последний момент по неизвестным нам причинам его командировка была отменена.

К середине 1970-х в пединституте уже выросли новые кадры языковедов, в Орёл приехал Ростислав Николаевич Попов, профессор из Череповца, в

1970 году защитивший докторскую диссертацию в Ленинграде (но не в ЛГУ, как Торопцев, а в ЛГПИ имени А. И. Герцена).

Так или иначе Торопцев победил в конкурсе и в феврале 1976 года был назначен на должность профессора кафедры русско-славянского языкознания ВГУ. Стоит ли современным орловцам сожалеть о том, что он не остался тогда в Орле? Может быть, лучше говорить с гордостью о том, что здесь он стал доцентом и профессором, заведующим кафедрой и главой лаборатории, написал докторскую диссертацию. К тому же из ОГПИ, как ни парадоксально, Торопцев тогда не ушёл – ещё несколько лет руководил здесь своими аспирантами и докторантами, регулярно приезжал на своеобразные «научные сессии». Неслучайно на конференции в Орле, посвящённой 85-летию со дня рождения Ивана Степановича, его первая аспирантка М. С. Зайчёнкова сказала так: «Неоценимая заслуга его как руководителя состояла в том, что он дал великолепный импульс и научил нас работать – работать в отнюдь не лабораторных условиях, преодолевая подчас очень нелицеприятную реакцию оппонентов. Поэтому сохранилась лаборатория ономаσιологических исследований, состоялись защиты докторских диссертаций сначала О. А. Габинской, потом мною. А самое главное –

Встреча однокурсников через 20 лет после выпуска.
Слева направо: сидят – Г. Ф. Бирюков, Я. И. Гудошников, В. В. Рябушкин, И. Мочалов, Б. Т. Удодов;
стоят – С. М. Медянский, И. С. Торопцев, И. В. Трофимов. 1970 год

Профессор И. С. Торопцев с внучкой Юлей.
1978 год

ономасиологическая теория И. С. Торопцева получила развитие в докторских диссертациях III поколения – В. П. Изотова, Л. В. Алёшиной, Л. И. Плотниковой».

Хорошо знавшие Торопцева воронежские филологи всегда ценили его твёрдый характер, выдержку и доброжелательное отношение к людям – поэтому уже в июле 1976 года, всего через четыре с небольшим месяца после прихода в университет, он был избран деканом филологического факультета (вновь избран на эту должность в ноябре 1981 года). Профессор Г. Ф. Ковалёв отзывался о нём так: «Сердечный и открытый, глубоко порядочный и доброжелательный человек, Иван Степанович заслужил любовь и уважение не только коллег, но и студентов».

По праву абитуриента 1981 года и автор этих строк готов поделиться воспоминанием о своём первом декане. Впервые я увидел его на зачислении – так тогда называли процедуру, завершавшую вступительные экзамены. Мы, уже почти первокурсники отделения журналистики, собрались утром в деканате. Секретарь вызывала каждого по списку в зависимости от количества набранных баллов. Моя

очередь была одной из первых. Помню, как зашёл в кабинет, где Торопцев сидел за столом в окружении младших коллег. Прозвучали какие-то анкетные вопросы, были сделаны уточнения. Торопцев сквозь очки внимательно и вполне доброжелательно смотрел на нас, улыбкой приветствуя в стенах родного университета. Пожелал отличной учёбы, а для начала предложил дней десять поучаствовать в подсобных работах на ремонте в общежитии и в корпусе на Пушкинской, 16. Всё это было сказано по-житейски мягко, без нажима, без подчёркивания некоего превосходства над вчерашним школьником. Как я потом понял, такой была манера общения с нами профессоров-фронтовиков – не только Торопцева, но и Г. В. Колосова, Г. В. Антюхина, Б. В. Кривенко.

Таким увековечен Торопцев и в гимне филологического факультета, который написал когда-то Л. Е. Кройчик:

*Приходит расставанья час,
Уходят в школу ветераны,
Нелёзок миг, но согревает нас
Улыбка нашего декана.
И пусть чередой летят года
Над бесприютною планетой –
Как путеводная звезда
Нам светят окна факультета.*

Несмотря на добрый нрав, Торопцев любил острые научные дискуссии. Ему вообще нравилось, когда студенты задают вопросы. Что-то доказывая или опровергая, он порой делал паузу: «Это я так думаю, вы можете думать по-другому». Профессор З. Д. Попова в статье, посвящённой его 60-летию, писала: «В Воронеже в содружестве с учениками и аспирантами, возражения и критику которых Иван Степанович (редкое качество) охотно и с удовольствием слушает и обсуждает, углублялась и уточнялась словопроизводственная модель учёного». Занятие наукой становилось всё большей и большей частью жизни профессора. Он стал председателем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по русскому языку при ВГУ (создавал совет вместе с профессором И. П. Распоповым, а с 1982 года, после смерти Игоря Павловича, руководил советом). Здесь защищались не только воронежцы, но и соискатели из Свердловска, Душанбе, Тюмени, Глазова, Луцка, Глухова. Немало было и работ, выполненных под руководством Торопцева, – защищались его ученики из Свердловска, Волгограда, Белгорода, Тамбова. В июне 1984 года Иван Степанович ушёл с должности декана. Работал

на кафедре русского языка, редактировал сборники научных статей, руководил экспертной комиссией по филологическим наукам в ВГУ, был председателем ГЭК в ВГПИ.

В Воронежском университете Торопцев подготовил и опубликовал две своих программных монографии: «Словопроизводственная модель» (1980) – на материале русского языка; «Язык и речь» (1985) – о проблемах общего языкознания.

Читая эти книги, видишь, насколько интересовали учёного физиологические и психологические аспекты языка. Он настаивал на термине «индивидуальная языковая система». По мнению профессора И. А. Стернина, Торопцев стал одним из первых в отечественной науке последовательных представителей такого направления, как изучение языка в тесной связи с человеческим фактором.

Торопцев стоял у истоков когнитивной лингвистики, был первым в стране ономасиологом. Профессор Г. Ф. Ковалёв отмечал: «В отличие от словообразования и семасиологии ономасиология рассматривает не содержательные компоненты готового слова (морфемы, семы) и систему их организации, а процессы формирования слов из первичных, чаще всего описательных, номинантов. Заслуга И. С. Торопцева в том и состоит, что он первым обосновал методику исследования, подробно описал этапы формирования того, что ещё не объективировалось в языке до вербально выраженных номинантов».

Прочитав также завершающую часть книги «Язык и речь» (ВГУ, 1985): «Соотношение между языком и речью нельзя подвести под категорию идеального и материального, так как язык не относится к идеальным явлениям. Нельзя принять и такую характеристику указанных отношений, как абстрактное и конкретное, так как физиологическая материализация языка и звуковые сигналы речи не отличаются по степени абстракции, они в равной мере конкретны. Отношения эти характеризуются как средство и процесс, в котором он реализуется. Отношения между языком и речью-результатом характеризуются как средство и результат его использования, как план и результат его реализации».

Иван Степанович Торопцев
(1922–1989)

Иван Степанович Торопцев умер 15 мая 1989 года. Вся его жизнь – жизнь солдата и строителя, руководителя, педагога и учёного – была школой доброты и порядочности для окружавших его людей. Её итог – победа в мировой войне и возрождение Воронежа и Орла, сотни подготовленных в вузах специалистов-филологов, три десятка учеников, защитивших диссертации. Уже после его ухода из жизни в ВГУ было издано учебное пособие «Образование прилагательных в современном русском литературном языке» (1994). «Любите ли вы русский язык так, как я любил его?» – казалось, незримо спрашивал своих учеников и всех других читателей Учитель. Его уроки, и академические, и нравственные, будут памятны ещё долго, найдут свой отклик в новых поколениях исследователей и преподавателей русского языка.